

— На самом деле их было не так уж много... Мы не соглашались на каждую просьбу... — голос Цай Миньюэ звучал хрипло, болезнь, терзавшая её, уже лишила её большей части сил, но она всё ещё изо всех сил пыталась оправдаться, крепко сжимая руку Цинь Гэ, не позволяя ему отстраниться. — Я проводила отбор.

И среди них дети, которых не ждали в семье, дети с врождёнными заболеваниями, часто оказывались теми, кого отсеивали.

Иногда сами роженицы умоляли Цай Миньюэ: они не хотели этого ребёнка, потому что по той или иной причине не могли позволить себе ещё одного обузу в своей и без того полной тягот и страданий жизни.

Иногда это были мужья рожениц или их родственники. Слишком бедно, слишком много ртов, слишком тяжело, слишком горько, особые люди слишком страшны... Для них ребёнок приносил не счастье и радость, а предсказуемое бедствие.

— В чём их вина? — с дрожью в голосе спросила Цай Миньюэ. — Все они несчастные... В чём их вина?.. Некоторые дети, даже если родятся, будут только страдать... Я помогала им, я тоже не виновата.

Цинь Гэ опустил голову, глядя в глаза Цай Миньюэ.

Он был очень уставшим, измождённым, последствия патрулирования ненормального «моря сознания» продолжали бушевать в его мозгу, настойчиво напоминая о себе. Отвращение и ненависть, вызванные словами Цай Миньюэ, словно сгусток крови, вязкий и зловонный, затрудняли даже речь.

Но он должен был собраться с силами и продолжать подводить Цай Миньюэ к тому, чтобы она сказала больше.

— Если никто не виноват... — тихо произнёс он, — то как насчёт тех детей, которых ты убила?

Цай Миньюэ издала глухой стон.

— Ты судила их, — он смотрел ей прямо в глаза, — из-за обстоятельств, которые они не могли контролировать, ты судила этих детей. Кто из них был виноват? Они сами выбрали прийти в этот мир?

Мутные глаза старухи задрожали, слёзы снова потекли по её щекам.

Рука Цинь Гэ ныла от её сжатия.

— Доктор Цай, если ты действительно считаешь, что не виновата, твоё «море сознания» не было бы таким. Есть много способов не хотеть ребёнка, в подходящее время отказаться от него — и никто не осудит... Даже если уже поздно, и он родился, разве из-за того, что «не хотели», можно его убить? Доктор Цай, кроме смерти, у этих детей действительно не было другого выбора?

Цай Миньюэ хотела возразить:

— Нет... Я знаю, такие дети, даже если родятся, будут страдать. Я слишком хорошо это понимаю...

— Это дети страдают, или те, кто рядом с ними, будут страдать? — Цинь Гэ чувствовал, что эти слова словно произносит не он, а кто-то другой, спрятавшийся в его теле и использующий его голос для гневного осуждения. Голова болела так сильно, что он не мог контролировать свои эмоции. — Какое право ты имеешь судить? Какое право ты имеешь исполнять приговор? Использовать «страдания» ребёнка как оправдание, чтобы твои действия казались справедливыми? Если ты действительно чиста, то о чём ты сожалешь?

Цай Миньюэ только плакала, не произнося ни слова.

— Именно потому, что ты знаешь, что была неправа, ты боишься. Всё в твоём «море сознания» создано тобой, и только ты можешь заставить это исчезнуть, — Цинь Гэ немного успокоился, его голос стал мягче. — Скажи мне, что заставило тебя очнуться? Тот ребёнок, который выжил благодаря тебе?

Это был последний раз, когда к Цай Миньюэ обратились с просьбой «решить» проблему.

К ней пришёл муж — большинство тех, кто просил о помощи, были мужьями, и Цай Миньюэ к этому привыкла.

Мужчина был разгневан и возбуждён, он был обычным человеком, и только сегодня, когда жена попросила родить в 267-й больнице, он узнал, что она — Проводник.

Они не регистрировали брак, и мужчина никогда не знал, что его жена — особый человек. Отвращение и страх перед особыми людьми довели его почти до безумия:

— Мой ребёнок тоже будет таким уродом!

Анализ ДНК показал, что его ребёнок тоже был человеком с хромосомной аномалией, вероятность того, что он станет Проводником, составляла 92 %.

Роженица рыдала, умоляя мужа не бросать её, ребёнка можно не оставлять, но она всё ещё хотела жить с ним. Оба явно не приветствовали маленького Проводника в утробе. Цай Миньюэ,

изучив все материалы анализов и поговорив с парой, решила принять просьбу.

По её стандартам, этот ребёнок явно был нежеланным, никому не нужным, лишним.

Но произошло неожиданное. Она закрыла ребёнку рот и нос, наблюдая, как он перестаёт дышать, но, передавая тело мужчине, ребёнок вдруг задрожал и снова издал слабый крик.

Крик испугал мужчину, он разжал руки, и младенец упал на пол.

Цай Миньюэ, быстро среагировав, подхватила ребёнка, но сама упала на землю.

Затем начался хаос. Цай Миньюэ отправили на обследование, ребёнка поместили в инкубатор. Когда Цай Миньюэ узнала, что беременна на два месяца, в отделении гинекологии обнаружили, что мужчина бесследно исчез.

— Тогда я была беременна моим младшим сыном, Цай И, — хрипло сказала Цай Миньюэ. — Положение плода было неустойчивым, пришлось долго сохранять беременность, постоянно принимать лекарства и делать уколы. Я боялась... Возможно, в этом мире действительно есть возмездие. Потом мне сказали, что тот ребёнок выжил, был здоров и в конце концов выписался с матерью. Я подумала, что мне тоже нужно остановиться, больше никому не помогать.

«Помощь» была лишь оправданием. В глубине души она всегда знала, что убивает.

Но то, что пробудило её, был не воскресший младенец, а её собственный ребёнок.

Вскоре после рождения Цай И начались кошмары.

Сначала это были лишь редкие сны, где она стояла в операционной № 6, закрывала рот и нос младенцу, а через мгновение говорила медсестре, что ребёнок «умер». Но с годами кошмары становились всё подробнее и конкретнее. Когда она вышла на пенсию, дел стало меньше, у неё появилось больше времени для отдыха и сна.

Именно тогда «море сознания» начало бешено контролировать её.

Цинь Гэ разжал её руку.

Головная боль заставила его встать, пошатываясь, зрение даже немного помутнело.

— Ты свободна, — его голос был сухим и хриплым. — Спи... если ты действительно сможешь уснуть.

Он отступил на два шага, Се Цзыцзин поддержал его. Повернувшись к Се Цзыцзину, Цинь Гэ заставил себя собраться, схватил его за воротник и тихо спросил:

— Ты всё слышал?

— Слышал, — кивнул Се Цзыцзин. — Я знаю, что делать.

Цинь Гэ не мог успокоиться. Цай Миньюэ плакала, её рыдания разрывали ему голову, головокружение усиливалось, и его не удавалось устранить.

— Что ты собираешься делать? — он был вынужден заставить себя спросить Се Цзыцзина, чтобы заставить мозг работать.

Се Цзыцзин положил руку на его плечо:

— Я отвезу тебя домой, чтобы ты хорошо отдохнул. Пока ты отдыхаешь, я напишу отчёт об этом деле, а когда проснёшься, ты меня отправишь, начальник Цинь.

Дверь палаты открылась, и вошёл Цай И, оглядев Цинь Гэ и Се Цзыцзина, а затем взглянув на лежащую в постели Цай Миньюэ.

— Что происходит? — его брови сдвинулись в глубокой складке.

— Доктор Цай сможет спокойно спать, — сказал Цинь Гэ. — Я обещаю.

Поворачиваясь, чтобы уйти, Цай И схватил его за руку.

— А что насчёт «моря сознания»? — спросил он.

— Это будет тайной регулятора, — Цинь Гэ произнёс каждое слово чётко. — Я обещаю.

Когда они вышли из корпуса больницы, издалека заметили Янь Хуна, бегущего из поликлиники.

Увидев бледное лицо Цинь Гэ, он сразу же забеспокоился.

— Ты домой? — он потянул Цинь Гэ за рукав. — Твои родители дома?

— Дома никого, они отвезли Сяочуаня на соревнования в Шанхай, — Цинь Гэ был бледен, на лбу выступал холодный пот. — Я вернусь в квартиру.

Он забрался на заднее сиденье машины, прижался к окну, инстинктивно свернувшись калачиком. Сердце билось быстро, пот лился градом, руки уже почти не слушались, не могли сжаться в кулак. Это было первое патрулирование столь серьёзно нарушенного «моря сознания», и негативные последствия превзошли все его ожидания.

<http://bllate.org/book/15560/1384483>